

Науково-дослідницька тема: «Перехідні та порубіжні процеси в суспільстві: специфічні та загальні закономірності»

В.В.Кизима

СИЗИГИЯ КАК СУЩНОСТЬ БЫТИЯ

У статті обґрунтовується розуміння сизигії (само гармонізації буття) як сутності буття, наслідком чого є розуміння самого буття як тотальності. Розглянутий сизигійний механізм і міра сизигійності, пояснюється чому певні форми буття є стійкими, а інші нежиттєздатні, розглядається механізм метаморфозів буття.

Ключові слова: сизигія, буття, тотальність, тоталогенез, венерологія, парсика, метаморфоз.

В статье обосновывается понимание сизигии (самогармонизации бытия) как сущности бытия, следствием чего является понимание самого бытия как тотальности. Рассмотрен сизигийный механизм и мера сизигийности, объясняется почему одни формы бытия устойчивы, а другие нежизнеспособны, рассматривается механизм метаморфозов бытия.

Ключевые слова: сизигия, бытие, тотальность, тоталогенез, генерология, парсика, метаморфоз

The article explains the understanding of syzygy (selfharmonization of being) as the essence of being, thus being should be regarded as constantly unfolding in itself, but preserving the unity of the manifold – totality. Considering mechanism of syzygy and measure of syzygy, the article explains why some forms of being are resistant while others are not viable, and also the mechanism of metamorphosis of being is considering.

Keywords: *syzygy, being, totality, totalogenesis, generology, parsika, metamorphosis*

Проблема сущности бытия – центральная проблема метафизики. До сих пор она оставалась нерешенной, вследствие чего место метафизики занимает множество философий и этот философский хаос породил неоднозначность в определении бытия, в том числе в учебной литературе¹. Более того, данный хаос все отчетливей ведет к дискредитации понятия *самой философии*. На Всемирном Философском Конгрессе в Афинах (август 2013 года) в круг обсуждаемых «философских» направлений были включены «философия юмора», «философия неясного», «философия прожитой жизни», «философия риска», «философия прогулки», «философия тела» и других. К этому можно добавить и множество «бытовых» философий, обсуждаемых в интернете – от «философии принятия решений», «философии девиантного поведения», «философии рекламы», до «философии расстановки мебели». Философия де-факто снижена до уровня ни к чему не обязывающих поверхностных *мнений*, которым пытаются придать общезначимый статус, в том числе через авторитет всемирного философского конгресса. Таким образом, наряду с отсутствием понимания сущности бытия нивелируется и значение философии. Как оценивать данную ситуацию?

С одной стороны, она может порождать пессимизм относительно дальнейшей судьбы философии и метафизики. С другой, – нацеливает на уяснение их значения через одновременной анализ их внешних различий и внутренней неразрывности, поскольку в бытии внешнее различие форм бытия всегда связано с их скрытым, внутренним единством. Внешнее онтическое разнообразие, «просвеченное» через субстанциальное онтологическое начало, предстает как скрытое единство. Если философии ориентируются на по-

¹ Можно встретить такие: «бытие – это существование сущего в отличие от его сущности», «бытие – то, что есть в отличие от небытия, которого нет», «бытие – это мир как целое», «бытие – это объективный мир, не зависящий от сознания», «бытие – это не только материя, но и сознание, идеи, чувства и фантазии людей» и т.п., вплоть до образной картины: «бытие – это пребывающая в себе циклическая вечность, подобная уроборосу».

знание бытия через его онтические формы, то метафизика должна ориентироваться на онтико-онтологическое единство бытия. При этом, речь должна идти не о самоисчерпании философии, как утратившей реальное значение из-за многообразия самих философий, и не об иллюзорности метафизики, предмет которой неясен, а об их неразрывном отношении, в котором метафизика рассматривает бытие как *единую сущность*, а философская мысль – как плюралистическое *многообразие проявлений данной сущности* в историческом развитии философии, в ходе которого новые философские идеи формируются и развиваются, отталкиваясь от текущего уровня знаний о сущности бытия, которого достигла метафизика.

Исторически данный механизм работал стихийно и через многочисленные отклонения и зигзаги. Но хотя многообразие сменявшихся друг друга философских учений и было движением к метафизике, философия и метафизика не подменяли и не могли подменять друг друга. Философии служили средством освоения новой информации о бытии, появлявшейся в результате развития практического опыта человечества и науки, и потому сменяли друг друга как преходящие мнения. В отличие от этого метафизику всегда (до Парменида неявно, а после Парменида явно) интересовала скрытая *сущность бытия*, то есть не подверженная историческим разночтениям *истина*, а не мнение. Ирония истории состояла в том, что добраться до этой сущности метафизика могла только на основе учета философского опыта и его развития. А философия, со своей стороны, могла плодотворно развиваться не сама по себе, а лишь в связи с развитием метафизических представлений о бытии. Реально процесс развивался в форме развертывающейся спирали, постоянно вращаясь вокруг проблемы *сущности бытия*. Отсутствие истинного понимания этой сущности в метафизике из-за недостаточных знаний о конкретных проявлениях бытия поворачивало ее к философии, а новые достижения философии возвращали ее на углубление представлений о сущности бытия – вели к метафизике. Является ли этот процесс бесконечным и потому безнадежным?

Он завершится лишь при установлении истинной сущности бытия. Возьму на себя смелость утверждать, что сегодня решение проблемы сущности бытия состоялось благодаря введению понятия *сизигии*.

История подошла к критической точке, в которой накопленного философского опыта человечества уже достаточно для того, чтобы непосредственно перейти не только к описанию внешних проявлений бытия, а и к раскрытию самой его сущности – сизигии. Это открывает не только перед метафизикой и философией, а и перед практикой и самой человеческой жизнью качественно новые горизонты. В предлагаемой вниманию читателя работе впервые в качестве сущность бытия рассмотрена сизигия и связанные с этим теоретические и практические перспективы и проблемы.

1.Общее представление о сизигии

Сизигия S (от др.-греч. σύζυγος, «сопряжение, соединение») является сущностью бытия, поскольку благодаря ей бытие не распадается, сохраняется, в единстве, несмотря на многообразие, изменения и метаморфозы его форм. Внешне сизигия проявляется в постоянном стремлении бытия к взаимному усоответствливанию жизни его форм через оптимальное сопряжение онтики и онтологии, субстрата и субстанции форм бытия, через встречные процессы рождения и плюрализации бытийных форм, с одной стороны, и растворения их в среде, их субстанциализации – с другой. Разрешение сизигийной проблемы предполагает ответ на вопросы: почему и как в бытии возникают вполне определенные в своей неповторимости одни формы бытия, а не другие; за счет чего мир явных, внешне взаимно изолированных форм, оказывается связанным и согласованным внутренне, что обеспечивает единство бытия при его многообразии и меняющемся характере этого многообразия?

XX век породил понятие, внешне сходное с понятием сизигии, но не тождественное последнему, – понятие *самоорганизации*. Но *самоорганизация* не тождественна *самогармонизации*. Процесс спонтанной или целенаправленной организации разного рода

пространственных и временных структур стал объектом изучения кибернетики и синергетики. Но при всех их успехах они не могли разрешить сизигийной задачи, поскольку процессы *гармонизации*, а тем более *самогармонизации*, качественно отличны от процессов и деятельности людей, называемой *организацией*, которая находится в центре внимания кибернетики. Уже хотя бы потому, что застывшая организация не тождественна постоянно меняющейся в зависимости от обстоятельств гармонизации, подобно тому, как раз созданный, но застывший во времени архитектурный ансамбль, который далее необходимо защищать от разлагающего влияния среды, отличается от процесса постоянной архитектурной гармонизации жизни города, которую несет творчество архитектора. Но и в архитектурной деятельности всегда есть опасность подмены истинной архитектурной *гармонизации* соображениями рациональной *организации*, связанной, например, с недостаточным финансированием.

Хотя процессы самоорганизации могут иметь место в разных системах, обладающих высоким уровнем сложности и большим количеством элементов, за счет подключения к ним все новых связей, они часто не тождественны *сизигийной самогармонизации*. Последняя предполагает помимо внешней структурной и системной связи компонентов также непрерывное *органическое взаимное усответствливание* их отношений, даже если речь идет о процессе их постоянной трансформации, подобно естественному росту дерева, жизни живого организма или о сложной меняющейся жизни общества. В общем случае, процессы самогармонизации могут изучаться на примерах любых естественных качественных изменений и метаморфозов бытия, в том числе индивидуальной жизни человека или общества. Например, на основе изучения значительного конкретного материала, связанного с историческими трансформациями тех или иных областей деятельности человека. Он особенно важен, когда касается обобщения материала, накопленного в результате длительного исторического опыта человеческой жизнедеятельности.

Примером такого подхода может служить анализ истории развития техники на основе изучения технических образцов, соответствующих разным этапам этого развития, которые сохранились до сегодняшнего дня и позволяют проводить их полноценный анализ. Такой анализ реально проведен, в частности, в форме скрупулезного рассмотрения истории развития мельничного дела, осуществленного В.И.Акуновым². Из него следует, что в истории мельниц имеет место закономерность *самономирования*, – своеобразного «квантования» данного технического развития, проявляющаяся в том, что отдельные модели мельниц служили обществу длительное время, а другие, появляясь, быстро сменялись следующими столь же переходящими моделями, пока они не уступали место очередным более устойчивым во времени образцам. В.И.Акунов зафиксировал эту ситуацию в следующих выводах:

1. в развитии сложных систем осуществляется их самономирование, т.е. в общем ряду их развития выделяются устойчивые состояния, система нормируется, образуя *дискретный ряд* характеристических показателей;
2. отбор систем условиями активно осуществляется в момент возрастания энтропии, т.е. при усилении хаоса (неопределенности) состояния системы;
3. отобранная устойчивая система характеризуется высокой степенью организованности (*минимумом энтропии*) при *минимуме удельных затрат вещества, энергии и информации* на единицу преобразуемого потока ;
4. общий процесс подчинен *минимизации удельных затрат вещества, энергии и информации* на единицу преобразуемого потока.

На основе данного примера можно утверждать, что в ходе непрерывного сизигийного согласования меняющихся форм бытия

² В.И.Акунов, А.В.Беличенко, А.Л.Чечик. Допригожинская синергетика // Totallogy-XXI.Постнекласичні дослідження. - №15/16. – Київ, 2006. – с.386-397. См. Также: Акунов В.И. Самоорганизация сложных систем /Заявка на открытие – 1975.

друг с другом «выживают» те из них, которые требуют для поддержания своего существования *минимальной энергии*. Другие, не выдерживая «энергетической конкуренции», быстро сходят с исторической арены.

Данные положения имеют важное значение для рассмотрения проблемы сизигии, поскольку основываются на значительном эмпирическом материале и указывают не только на три достаточных для описания макросистем параметра – *вещество, энергию, информацию*, а и на *дискретный* характер устойчивых систем в общем ряду их развития. Их устойчивость характеризуются *минимумом энтропии*. Иначе говоря, общий процесс развития новых образцов мельниц идет таким образом, что наиболее долгоживущими образцами являются те, которые наиболее экономны, а общая история мельничного дела шла *по линии минимизации затрат вещества, энергии и информации на единицу перерабатываемого потока*.

Данное положение непосредственно касается проблемы сизигии. Обобщая его, можно утверждать, что оптимальная сизигия характеризуется *максимальным взаимным соответствием субстрата, энергии и информации* в системе, связанным с минимальным расходом энергии на поддержание жизни данной системы. Чем дальше эта ситуация от указанного соответствия, тем система неустойчивей и мало жизнеспособна, а ее сизигийный параметр далек от оптимального значения. *Оптимум сизигийности* означает состояние минимума затрат субстрата, энергии и информации онтической формы на переработку ею единицы внешних потоков для поддержания собственного существования.

Сегодня *мера сизигии* S определяется как отношение энергии образовавшейся структурной упорядоченности системы N_g (такая упорядоченность называется *генерологической*) к энергии разупорядочивающего ее хаоса N_p (данный хаос получил название *парсического*): $S=N_g/N_p$. Если иметь в виду все бытийные формы и их отношения, данный, никогда не прекращающийся сизигийный процесс бытия определяет бытие как постоянно развертывающуюся в себе, но сохраняющую свое единство *тотальность*. А сам процесс

никогда не прекращающегося развертывания бытия выступает как *тоталогенез*. Учение, рассматривающее бытие с этих позиций, называется *метафизикой тотальности*.

Как работает сизигийный механизм в ходе тоталогенеза? С одной стороны, разные бытийные формы, как самодостаточные индивидуальные образования, внешне связаны друг с другом через явные *причинные* отношения *генерологически*. С другой – через разноразличные скрытые и всепроникающие влияния *условий* среды, всего бытия, они через условия связаны *парсически*. Кондициональные парсические влияния оказывают организующее воздействие на объекты влияния, играют информационно-организующую роль. Указанный причинно-кондициональный и информационно-энергетический механизмы, определяя тот или иной характер и свойства конкретного субстрата, и играют по отношению к нему *сизигийную роль*.

Сизигийный механизм, поскольку в нем фигурируют лишь общебытийные атрибутивные характеристики – энергия, информация, связанные с ними субстраты-носители, – присущ всему бытию и определяет специфику всех бытийных процессов, а потому является *сущностью бытия*. А само бытие существует как никогда не прекращающееся, развертывающееся в своем причинно-следственном многообразии, но скрыто сохраняющее себя в кондициональной среде в *форме единства многообразия своих форм*, то есть как *тотальность*.

Дополнительным важным моментом в этой общей картине, «отвечающим» за *конкретный характер* той или иной бытийной формы, является то обстоятельство, что, сизигия – это не только качественная характеристика. В каждом конкретном случае она имеет указанную выше *количественную меру* $S = Ng/Np$, и именно от ее численного значения зависит устойчивость или изменчивость соответствующей конкретной бытийной формы, характер метаморфозов бытия, и вид самого единства многообразия бытия как тотальности.

В бытии как тоталогенезе каждая бытийная форма после своего онтического появления «проживает» индивидуальную жизнь,

имеет свою особую и ограниченную во времени историю, движется к ее исчерпанию и исчезает в бытийном онтологическом контексте. Но параллельно, одновременно с этим на основе разных онтологий бытия рождаются и развиваются разнообразные новые онтические формы, с которыми, рано или поздно, происходит то же самое. Общая ситуация такова, что, наряду с распадом и исчезновением временных форм, в бытии всегда имеет место также и рождение новых, причем эти процессы не независимы, а связаны друг с другом как внешними причинными отношениями, так и скрытыми онтологическими полями в едином целостном тоталогенезе, иначе бытие представляло бы собой постоянный и сплошной хаос, лишенный отношений упорядоченности вообще.

Именно благодаря сизигии в бытии постоянно существуют не только простые, а и сложные формы разных видов, уровней и масштабов, имеют место не только разрушительные тенденции (в том случае, когда сизигийные отношения являются далекими от оптимальности), а и процессы порождения новых форм и согласования их существования в виде более сложных образований разного масштаба и сложности, в том числе несущих новую жизнь, ее поддержание и развитие. Бытие, будучи единым, одновременно многообразно в своих формах и отношениях разной степени сложности. Еще раз можно отметить, что именно благодаря своей универсальной согласовывающей и гармонизирующей роли сизигия является *сущностью бытия*, а само бытие существует в форме развертывающейся в себе, но самосохраняющейся тотальности.

Представление о бытии как о постоянно меняющемся единстве многообразия разрешает старый спор между представителями монистических представлений о бытии как о чем-то едином, и сторонниками плюралистических картин бытия, рассматривавших бытие через призму идеи множественности. Их сосуществование имело место потому, что прежние попытки совместить оба направления порождали логические проблемы, типа зеноновских апорий, неразрешимые в рамках формальной логики, начиная с «простого» вопроса: как единство многообразия вообще может *быть*? Введе-

ние понятия сизигии снимает данную многозначность, разрешает логическую проблему и позволяет в качестве истинной метафизики рассматривать метафизику тотальности.

Если с формально-логической точки зрения понятие «единство многообразия» алогично и потому невозможно, то метафизика тотальности исходит из реалий и «логики» самого бытия, в котором мы реально сталкиваемся не с абстрактными, а с очевидными в своей реальности формами единства многообразия во всех сферах бытия, начиная с корпускулярно-волнового дуализма элементарных частиц, и кончая одновременной устойчивостью и изменчивостью, единством и многообразием, устойчивостью и изменчивостью любого биологического организма, жизни общества, каждого города, и любых других бытийных форм. Бытие предстает в этом случае не в виде изолированных статичных образований и их самостоятельно существующих субстанциальных оснований, а в форме трансформаций, в которых одни способы жизни рождаются из других, развиваются, приходят в упадок и исчезают. При этом, все эти процессы, через не только внешние связи, а и глубинные общие основания пребывая во взаимозависимости, остаются проявлениями бытия, а, значит, связаны между собой не только через разрушение, а и через постоянный процесс упорядочения своих отношений и рост их сложности. Иначе бытие было бы либо абсолютным онтическим хаосом, не способным породить даже простейшие онтологии бытия, либо раз навсегда данной и абсолютно неизменной онтологической сущностью вне реального бытия.

На самом деле объективная реальность не только онтики, а и онтологии существует в форме *онтико-онтологической дуальности любых форм бытия* и в виде *причинно-кондиционального сизигийного механизма*. Данное обстоятельство обусловило двойственное отношение людей к бытию. Одно – связанное с онтикой бытия *причинное*, играло очевидную и важную роль в практической жизни людей, обусловило появление самого понятия причины, а позже – принципа причинности, который повсеместно и целенаправленно используется человеком и сегодня. Второе – *кондициональное*, свя-

зано с неявными, парсическими влияниями на жизнь человека окружающей среды, которые человек как правило даже не ощущает, но через которые он на разных онтологических уровнях неразрывно и постоянно связан с остальным бытием, существует прежде всего благодаря им – скрытым глубинным и разноуровневым воздействиям всего бытия как живительным полям своей жизни. Сегодня кондициональные влияния характеризуется как неявные условия, влияния которых иногда удается зафиксировать. Но об их конкретной природе и структуре сегодня нет еще четкого представления. В отличие от понятного человеку причинного воздействия, неявные кондициональные влияния долгое время не осознавались, были неподвластны и непонятны человеку, присутствовали в нем на уровне лишь подсознания или в качестве неясных факторов, нарушающих однозначность следствий одинаковых причин, да обладающих необычными по сравнению с причинными влияниями свойствами.

В сизигийных действиях причинно-кондиционального отношения играют принципиально важную роль. Причинные отношения определяют явные онтические процессы бытия, а кондициональные – задают его неявное, онтологическое существование. Кондициональные, с одной стороны, скрыто расшатывают и нарушают наличные причинные отношения, а с другой – способствуют порождению новых форм жизни и новых внешних причинных отношений, соответствующих новым условиям. Именно данный причинно-кондициональный механизм и действует в бытии как сизигийный³.

Из сизигийного принципа следует несколько важных практических выводов.

Во-первых, возможность численного измерения сизигийности, о которой говорилось ранее. В качестве меры сизигийности S конкретной целостности определено отношение меры ее причинной упорядоченности N_g (она, как уже выше отмечено, называется в метафизике тотальности *генерологической*), к мере расшатывающей

³ Кизима В.В. Начала метафизики тотальности // Постнеклассика: философия, наука, культура. Коллективная монография / Отв.ред. Л.П.Киященко, В.С.Степин.. СПб: Изд.дом «Мирь», 2009. – с.71-137 (с.122-136).

эту упорядоченность кондициональной хаотичности N_p (она называется *парсической*): $S = N_g / N_p$.

Во-вторых, особо важным является то обстоятельство, что для всего бытия и для каждой формы бытия существует *одно и то же, универсальное оптимальное численное значение сизигийности*. Сегодня оно известно. Доказано, что любая конкретная форма бытия оптимальна тогда, когда мера ее *генерологической упорядоченности* N_g относится к мере ее *парсической хаотичности* N_p как 80% к 20%: $S_{opt} = N_g / N_p = 80/20^4$. В общем, значение сизигийного параметра S является результатом игры энергетических и субстратных отношений. Среди разных возможных форм бытия действительными и устойчивыми становятся только те, которые удовлетворяют данному требованию $S_{opt} = 80/20$. Утрата сизигийным отношением оптимального значения S влечет неустойчивость и распад соответствующей ему формы бытия в общем бытийном фоне условий.

В-третьих, причинно-кондициональный характер сизигийного отношения и знание его оптимального значения важны, в частности, для понимания исторических процессов не только в природе, а и в обществе.

Если проследить историю развития представлений о сизигийности через развитие представлений о причине и условиях, то можно указать на следующие ее особенности.

1. Исторически использование причинных факторов вызвало в обществе развитие разных форм материальной деятельности и логического мышления. Что касается влияний на человека кондициональных факторов, то они привели к оформлению представления о скрытых силах бытия и породили мистические идеи и религиозные учения. При этом, рождение религиозного сознания, а также околорелигиозных форм жизни, и сложной системы отношений между ними (вплоть до религиозных конфликтов и войн) было вызвано не объективным сизигийным фактором, а *субъективными переживаниями его людьми*. Сначала эти переживания не имели религиозного характера, а были лишь подсознательными реакциями челове-

⁴ Кизима В.В. Социум и Бытие. – К.-Издатель ПАРАПАН, 2007 – 204с. – с.88-97..

ка на скрытую жизнь бытия, частью которой он являлся. Однако, их дальнейшее развитие привело к их объективации в форме появления идеи господствующих над человеком неявных, высших сил, – в виде религиозного чувства, а также мистических учений и связанных с их функционированием институтов и отношений.

2. Исторический опыт свидетельствует в пользу всеобщего характера сизигийного фактора еще и тем, что когда данный фактор игнорируется, приходится вводить в каждом конкретном случае целый ряд искусственно замещающих его причин и скрытых параметров. В этом случае общая картина бытия усложняется за счет гипотетических допущений, а также субъективных предпочтений, в результате чего утрачивается логическая строгость, а решение проблемы отодвигается в область неопределенности и субъективных домыслов.

Наиболее явно данная ситуация имеет место в социально-политической практике, но она также сопровождает и развитие науки. Например, дарвиновская мысль о том, что в ходе биологической эволюции принципиальную роль играют изменчивость, наследственность и естественный отбор, с позиций сизигийности может рассматриваться в более общем контексте понимания органического мира как целостности, в которой естественная эволюция так «оформляет» отношения биологических групп, типов, видов и конкретных особей, *чтобы их совместная жизнь требовала наименьших из возможных энергетических затрат.*

Аналогично можно рассматривать отдельные биологические группы вплоть до конкретной особи, т.е. использовать универсальный сизигийный принцип для любого конкретного случая, не изобретая каждый раз специально для данного случая новый детерминирующий фактор. Такой подход позволяет отказаться от искусственных теоретических конструкций, умозрительных концептов типа «праформ», которыми так богата история биологии. В этом случае критерий, которым необходимо пользоваться, можно сформулировать следующим образом: если предлагаемый механизм существования той или иной биологической группы далек от опти-

мальности возможных в его жизни энергетических затрат, то велика вероятность того, что соответствующая ему группа будет нежизнеспособной.

3. В качестве частного, но важного случая следует отметить еще одно обстоятельство. Мир таков, что в нем любые обстоятельства рано или поздно меняются. В своей практике человек часто не учитывает этого, когда стремится во что бы то ни стало поддерживать отношения, в которых живет, в неизменном виде, рассматривая любые новые тенденции как негативные и блокируя их. На самом деле, речь должна идти не о «консервирующем», а о *сизигийном* контроле, в котором важно не только, а часто и не столько поддерживать старые формы (тем более, что такая ситуация рано или поздно, но неизбежно, приведет к противоречию с меняющейся окружающей средой), сколько оптимизировать реальные процессы с точки зрения их естественной самоорганизации; исходить не из упорного поддержания ветшающей структуры, а из *поддержания сизигийной гармонии ее отношений с меняющейся средой*. В противном случае неизбежны негативные последствия, как для среды, так и для самих людей.

Постоянное поддержание оптимальной сизигийности необходимо на всей планете, оно не запрещает не только эволюционных, а и революционных изменений, но при условии сизигийной оптимизации общей жизни. То же относится и к современной жизни мирового социума, в котором в результате глобализации происходят бурные изменения и метаморфозы. В этом случае важно не столько противостоять им, сколько сизигийно, в этом смысле гармонично, выстраивать как общий процесс, так и его локальные проявления. Общим и важнейшим сизигийным императивом в этом случае должно быть требование обеспечения *наиболее оптимального продолжения жизни социума на земле и человека в обществе*.

Отдельно следует сказать о том, что практика XX века засвидетельствовала, что в условиях глобализации поддержание оптимальной сизигийности отдельных сторон жизни социума невозможно без обеспечения сизигийного характера также и жизни ноосферы

и биосферы. Сегодня все более опасным становится также накопление термоядерного оружия и рост глобальной политической нестабильности. Нарастание многообразия жизни без одновременно-го обеспечения ее оптимального единства – это путь в преисподнюю. Как говорил еще Аристотель, гармония «хотя и состоит из неодинаковых частей и у нее определенное положение [частей], но нецельной она не бывает»⁵. Теоретической основой нового подхода к современным проблемам является метафизика тотальности. Она представлена в ряде индивидуальных монографий разных авторов⁶, в коллективных работах, посвященных итогам нескольких международных исследовательских проектов⁷, а также в статьях научного журнала НАН Украины «Totallogy-XXI. Постнекласичні дослідження» (33 выпуска за 1995-2016гг.). Сегодня уже можно говорить о важном прикладном характере метафизики тотальности и сизигийного принципа. Появились публикации авторов, работающих в нефилософской тематике, но рассматривающих метафизику тотальности как методологию решения своих проблем. К числу полученных на этой основе результатов относятся: новое понимание ландшафтности в географии, анализ тоталогенеза театральных практик, разработка проблем психонетики, языка, темы виртуального сознания, феномена игры, брендинга и глобальной жизни социума, а также постнеклассические методологии образования, проблемы иденти-

⁵ *Аристотель*. Соч. в 4 т. М., 1975. Т.1, с.176

⁶ *Кизима В.В.* Тоталлогия (философия обновления). – К., Издатель ПАРАПАН, 2005. – 272с.; *Кизима В.В.* Социум и Бытие. – К., 2007. – 204с.; *Тютюнник Ю.Г.* Тоталлогия ландшафта. – К., 2002.- 122с.; *Тельженко Л.В.* Постнекласична модель цілісної людини. – К., 2011. – 283с.; *Левченко О.Г.* Театр у системі філософської антропології: монографія /Олена Левченко; Нац.центр театр.мистец.ім Леся Курбаса. – К., 2012. – 296с. и др.

⁷ Постнеклассические практики: определение предметных областей: Материалы международного междисциплинарного семинара /Под общ.ред. Астафьевой О.Н.. – М.: МАКС Пресс, 2008 – 240с.; Постнеклассика: философия, наука, культура: Коллективная монография / Отв.ред. Л.П.Киященко и В.С.Степин. – СПб. СПб.: Издательский дом «Мирь», 2009 - 672с.; Постнеклассические практики: опыт концептуализации. Коллективная монография /Под общ.ред. В.И.Аршинова и О.Н.Астафьевой. – СПб: Издательский дом «Мирь», 2012.- 536с.

фикации и целостности человека, оптимизации управления в обществе, анализ механизма переходных и пограничных процессов в обществе, метафизика инноваций и роль интеллигенции в обществе. Общий список работ по метафизике тотальности можно найти в интернете.

2. Особенности сизигийного механизма.

Оптимальная сизигия и ее мера

Сизигийный механизм, являясь сущностью бытия, при всей его универсальности не стоит над бытием, а определяет способ и форму бытования бытия, а также конкретную историю каждого отдельного бытийного феномена, начиная с его возникновения, характера существования и кончая его исчезновением. Самым непосредственным образом он относится к человеку, к его индивидуальной жизни и генерологической и парсической жизни в обществе и природе. Присутствует он и в процессах перехода человека из мира явного в мир иной – парсический, а теоретическая опора на него позволяет ставить и решать вопросы, которые ранее относились лишь к области религиозной веры и фантазий.

В основе действия сизигийного механизма лежит принцип онтико-онтологической дуальности бытия, в соответствии с которым любая форма бытия как *онтическая* пребывает в бытии явно и обозримо, несет энергию и пребывает в причинных отношениях с другими онтическими формами. Она также неповторима в своей конкретности и этим отличается от других форм и соотносится с ними внешним, явным образом. Одновременно, как *онтологическая*, она несет в себе историю своего происхождения в виде скрытого наслоения в ней онтологий бытия, сделавших возможным ее появление и явное существование, является частью бесконечно уходящих вширь и вглубь условий, несущих в себе информацию об упорядоченности бытия. Характер онтологических наслоений у разных форм бытия различен, в каждой вещи он является индивидуальным кодом бытия в ней, в результате чего и ее жизнь в бытии идет по своей индивидуальной причинно-следственной, внешней траектории.

Сочетание в бытийных формах явного онтического и скрытого онтологического моментов образует в каждой точке бытийного ландшафта соответствующий ей онтико-онтологический информационно-энергетический потенциал. В зависимости от значения данного потенциала в разных точках бытийного ландшафта бытие представляет собой сложную и постоянно меняющуюся картину энергетических и информационно-ландшафтных и субстратных отношений. Различие и изменчивость потенциалов разных точек ландшафта способствуют постоянным перестройкам ландшафта таким образом и в таких формах, в которых имеет место минимальная разность потенциалов.

Непрерывно работает механизм переоформления любой онтико-онтологической картины бытия в направлении информационной и энергетической оптимизации ее отношения с остальным бытием. Идет постоянный процесс коррекции ландшафтной картины бытия, в котором каждый текущий момент требует для своего существования минимальных расходов энергии и потому общий процесс является оптимальным. Если это требование нарушается, картина перестраивается так, чтобы нарушение было устранено оптимальным образом. При этом, определенные бытийные формы могут оказаться не соответствующими происходящим изменениям и исчезают в качестве «жертв» общего процесса трансформаций бытия. Именно в направлении постоянного порождения наиболее устойчивых форм бытия осуществляется реализация сизигийных тенденций, а *сизигия является сущностью и непрерывным способом организации и существования бытия.*

Одновременно бытие должно обладать таким принципиально важным для его вечности свойством, как невозможность установления абсолютной устойчивости его онтико-онтологической картины, ибо это означало бы сведение бытия к одной из его форм и утрату жизненного импульса – *небытие бытия*. Сизигийный механизм бытия действует как никогда не прекращающийся процесс гармонизации его онтико-онтологических отношений в любом месте бытия. Сизигийный процесс идет непрерывно, везде и никогда не

завершается. Сведение к нулю энергетического потенциала в одной локальной ситуации бытия влияет на нарушение ситуаций в других местах и, косвенно, в бытии в целом. В масштабах всего бытия это означает никогда не прекращающееся сизигийное преобразование бытийных форм.

Из сказанного следует, что процесс *двойного* онтико-онтологического, а также информационно-энергетического усоответствования не случайно назван сизигийным, т.к. в переводе с греческого *syzygia* означает *парное* сочетание. Благодаря сизигийному механизму единство многообразия бытийных форм сохраняется, несмотря на метаморфозы бытия, а сама сизигия может рассматриваться как *всепроникающая* сущность бытия, его «душа», позволяющая любой его форме, внешне (онтически) сохранять свою идентичность на протяжении своего индивидуального существования; а внутренне (онтологически, скрыто) пребывать на разноглубинных уровнях бытия и неявно участвовать в непрерывной и разнообразной жизненной изменчивости последнего, неся в себе многослойный онтологический потенциал своих грядущих внешних онтических трансформаций.

В целом для сизигийной практики важными являются следующие обстоятельства: сизигийный механизм, *во-первых*, действует всегда и везде; *во-вторых*, оптимизирует бытие путем отбора в нем наиболее экономных с точки зрения энергетических затрат форм, независимо от того, идет речь о физических, химических, биологических или социальных и иных процессах, и потому имеет первоочередное значение для минимизации затрат также и в жизни социума. *В-третьих*, принципиально важен учет того, что оптимальное сизигийное значение *Sort*, при котором ситуация имеет устойчивый характер, носит универсальный характер и имеет универсальное численное выражение, на которое человеку следует ориентироваться в его жизнедеятельности. Любой процесс изменений в той или иной области бытия – физических, химических, биологических, географических, социальных и др., – существует как неопределен-

ный до тех пор, пока он не приводит к оформлению такого содержания, которое имеет указанный оптимальный сизигийный характер $Sort=Ng/Np=80/20$, где Ng – мера явной, генерологической упорядоченности ситуации, Np – мера ее скрытой, парсической хаотичности.

Благодаря двойственному онтико-онтологическому характеру каждой формы бытия все бытийные формы взаимодействуют двояко – 1.внешним онтическим образом в соответствии с *принципом причинности*; 2.скрытым онтологическим – как многоуровневые пересекающиеся *онтологические условия* друг друга. Совокупность явных причинных отношений разных форм бытия задает *онтическое многообразие* бытия, а комплекс многослойных онтологий-условий, породивших это многообразие, определяет его *многоуровневое ландшафтное онтологическое единство*.

Бытие как целое представляет собой постоянное причинно-кондициональное и сохраняющее себя саморазвертывание единства многообразия бытийных форм. При этом скрытые онтологические тенденции в форме парсических влияний до поры не сказываются на явной причинной онтической жизни бытийных форм, они сосуществуют как бы независимо друг от друга. Однако, по мере развития в том или ином ареале бытия комплексных онтико-онтологических изменений, происходящие в нем неявные онтологические изменения, начинают влиять на жизнь внешней онтической структуры явным образом и вызывать ее трансформации подобно тому, как скрытые заболевания организма со временем сказываются на его внешнем поведении и жизни. Это порождает отсутствовавшие ранее новые изменения общей онтико-онтологической картины и, таким образом, процесс гармонизации идет как вглубь, так и вширь, при этом разрушая утратившие устойчивость формы бытия. Благодаря постоянному действию сизигийного механизма бытие непрерывно пребывает в процессе самосогласования жизни своих форм и сохраняется в своем единстве, несмотря на его никогда не прекращающиеся метеморфозы.

3. Проблема сизигии в современном глобальном контексте

Сизигийная проблема, несмотря на ее сложность, неявно всегда присутствовала в человеческом сознании, но часто в виде неадекватных интерпретаций и применительно лишь к отдельным областям, а не к бытию в целом. Одним из неосознаваемых подходов к ней была интерпретация бытия через призму социальных отношений. Первобытный человек понимал мир как большую родовую общину, в которой, как писал А.Ф.Лосев, наиболее убедительным для него объяснением природы было объяснение с помощью родственных отношений и поэтому «небо, воздух, земля, море, подземный мир – вся природа представлялась ему не чем иным, как одной огромной родовой общиной, населенной существами человеческого типа, находящихся в тех или иных родственных отношениях и воспроизводящими собой первобытный коллективизм первой в истории общественно-экономической формации»⁸. Религиозная картина бытия и связанных с ней сизигийных отношений была порождена формированием империй с вертикальными отношениями всесильного императора и периферийной массы подданных. Эта картина была подобна архитектуре церковных соборов, предполагавшей движение от мирских людей, молящихся «внизу» храма, к вселенской, всеобъединяющей духовной силе, изображаемой «вверху». Новое время породило научное представление о мире как о природе, формы которой подчиняются сизигийности в виде законов природы, используя которые, человек может создавать новые вещи и сам подобен богу. Известный тургеневский персонаж данный взгляд на мир выразил словами: «природа не храм, а мастерская и человек в ней работник».

Сизигийная функция указанных картин состояла в том, что каждая из них задавала свои интенции мышления и ориентировала на соответствующие им практики, отсекая, при этом, часто в бескомпромиссной борьбе, то, что им не соответствовало. Философия в этом историческом развитии не была самодостаточной и не спо-

⁸ Лосев А.Ф. Античная мифология в ее историческом развитии. – М., 1957, с.7

собствовала сизигийному управлению. Формировались лишь предпосылки ее действительного рождения и истинно метафизического значения, связанного с синтезом всех предыдущих знаний. Исторически она была сначала формой любознательности, затем служанкой богословия, позже – науки.

Сегодня в социуме рождается новый, глобальный образ жизни, связанный с превращением мирового сообщества в глобальную социальную тотальность, требующую *непосредственного учета законов тоталогенеза*. В этих условиях переход социума к идее сизигийности будет неизбежным, но сложным и опасным из-за необходимости параллельного преодоления прежних базовых, но стихийных механизмов жизни – конкуренции, эксплуатации, разных форм насилия и военных способов решения проблем. Переход к сизигийному управлению объективно будет определяться тем, что традиционная жизнь государств и их отношений по мере глобализации будет принимать характер *глобального тоталогенеза* и должна будет подчиняться его требованиям. Для сознательного и успешного характера такой трансформации уже сегодня необходимо проводить масштабную работу по внедрению в социум сизигийного мышления и понимания неизбежности и важности введения в жизнь сизигийного управления как *ведущего принципа глобальной жизни*.

Организационной предпосылкой практического подхода к налаживанию глобального сизигийного управления было создание ООН. Но эта структура пока не обладает адекватной методологией непрерывного отслеживания соотношения генерологических и парсических отношений в глобальном мире и не имеет эффективного механизма непрерывного поддержания оптимального состояния сизигийности в международных отношениях, хотя стихийная тенденции движения в этом направлении существуют. В середине XXв. П.А.Сорокин в своей объемной работе⁹ отрицал всемирные объективные закономерности развития человеческой истории, хотя и говорил о ней как о смене специфических систем. Зб.Бжезинский в своей «Великой шахматной доске» мыслит иначе. Он озабочен тем,

⁹ Сорокин П. А. Социальная и культурная динамика – М.: Астрель, 2006. – 1175 с.

что США должны «создать геополитическую структуру, способную абсорбировать неминуемые удары и напряжения общественно-политических преобразований, одновременно перерастая в геополитическое ядро общей ответственности за мирное глобальное руководство»¹⁰. Он предполагает, что благодаря сотрудничеству с ключевыми евразийскими партнерами, активизируемыми Америкой, можно развивать и усиливать структуры ООН, которые имеются, но пока малоэффективны, и получить историческую выгоду от новой сети глобальных связей, которая будет перерастать границы традиционной системы национально-государственных образований и их отношений. Зигмунт Бауман в своей работе¹¹ дает анализ изменений общественной жизни, используя метафору «текущая современность» и понимая под этим переход от мира структурированного к миру, свободному от границ и барьеров, что привело к глубоким изменениям во всех сферах человеческой жизни. Подобную позицию занимает Э.Гидденс¹². По его мнению, процесс глобализации становится все более неуправляемым, «ускользающим из рук», начиная с мировых событий, и кончая повседневной жизнью. Данная тенденция к метафоризации понимания жизни социума характерна в своем стремлении ухватить современный глобальный мир с качественно новых позиций, при этом, не редуцируя его к старым схемам, но и не релятивизируя картину, несмотря на ее текучесть и ускользающий характер.

Какой же является истинная ситуация? В отличие от прежних исторических преобразований в разных обществах, обозначавших переходный период социума в целом от одного общественного образа жизни к другому, как хотя и растянутое во времени, но временное состояние, сегодня социальный процесс *динамизируется во всей его глобальной полноте*. Общая картина мирового сообщества

¹⁰ *Бжезінський Зб.* Велика шахівниця – Львів-Івано-Франківськ . – «Лілея-НВ», 2000 – 256с.- с.215.

¹¹ *Бауман З.* Текущая современность. – СПб: Питер. 2008 – 240с.

¹² *Гидденс Э.* Ускользающий мир: как глобализация меняет нашу жизнь. – М.: Весь мир, 2004. – 116с.

все больше предстает как единый, сегодня *стихийный* глобальный метаморфоз, в котором жизнь каждого социального субъекта зависит от жизни всех и имеет постоянно меняющийся характер. В этих динамичных условиях имеются свои, растущие и приобретающие глобальный характер, опасности – наращивание вооружений, в том числе ядерного, термоядерного и нейтронного оружия, не говоря о химическом и биологическом. В условиях *глобального, но разобщенного* на страны, регионы и социальные, политические и национальные и расовые системы, *единства*, усиливается вероятность коллапса глобальной жизни социума и связанных с этим значительных жертв. Как овладеть данной ситуацией?

Единственным условием преодоления опасности масштабных катастроф является *переход к сизигийному механизму управления* жизнью социума как к единственно оптимальному. В этих условиях актуализация темы сизигии становится важной уже сегодня. Поскольку численным показателем сизигии любой конкретной ситуации является отношение меры ее упорядоченности к мере расшатывающих ее скрытых влияний фона, непрерывное решение проблемы сизигии состоит в том, чтобы *непрерывно отслеживать и поддерживать ее меру в оптимальном состоянии, или же целенаправленно менять ее так, чтобы ее трансформация в новое сизигийное состояние происходила оптимальным и безопасным для человека и социума образом*. При этом необходима и непрерывная координация действий разных уровней управления, поскольку требование поддержания оптимальной сизигийности сохраняется, независимо от того, идет ли речь о сизигийности диалога двух людей или о непрерывном взаимосогласовании общественных связей и отношений, начиная с семьи, международных отношений, и кончая проблемами всего человеческого сообщества.

В случае успешного решения данной задачи, человек, *во-первых*, будучи органической частью социума, неизмеримо расширит свои глобальные возможности, станет реальным и полноценным субъектом всего социума и планеты земля, а не только их локальных ареалов. *Во-вторых*, будучи в качественно новом отно-

шении к миру, обретет качественно новое, сизигийное мировоззрение, выходящее за рамки традиционных представлений и отношений, что радикально поменяет его образ жизни и на этой новой основе объединит всех людей глобальным образом. *В-третьих*, овладев универсальным сизигийным механизмом бытия, он, будучи земным существом по рождению и жизни, одновременно и реально станет и существом космическим, выйдет своей жизнью за границы Земли как в теоретическом, так и в практическом планах, со временем научится целенаправленно действовать и как космическая сизигийная сила, что позволит человечеству наладить реальные контакты с иными мыслящими существами, бытие которых вполне вероятно.

Наряду со сказанным, человек со временем научится управлять сложными комплексами событий с помощью освоения и использования *разных форм самой сизигии*, переходить от одной формы сизигийности и ее масштабов к другим, выбирать среди разных вариантов наиболее оптимальные для рассматриваемых случаев. Например, руководить не вещественными, энергетическими и иными потоками каждым в отдельности, а менять *сизигийность общего хода* событий в такой последовательности, которая оптимально и без периферийных затрат приводит к нужному конечному результату. Речь идет о том, чтобы *малыми сизигийными усилиями достигать максимального гармонизирующего результата в значительных масштабах и поддерживать это состояние в дальнейшем*. Это важно и потому, что «лишние» сизигийные действия могут влечь непредвиденные и опасные для человека или общества последствия, которые придется, затем, устранять. Из сказанного следует и то, что, поскольку непосредственное вмешательство в сизигийные процессы резко расширит масштабы действий человека, оно, соответственно, усилит и *ответственность* человека за свои действия, обусловит необходимость перехода не только к сизигийному мышлению, а и к новому *общебытийному* мышлению и соответствующим *новым нравственным нормам жизни*. Сегодня эта тенденция только намечается в связи с экологическими проблемами и

проблемой биосферы, а также с террористическими угрозами и с реальной опасностью ядерного самоуничтожения социума, а, возможно, и о гибели жизни на земле. Владение сизигийным мышлением является важнейшим условием предотвращения подобного хода событий и выживания человечества. В связи с этим необходимо отметить, что поскольку сизигия является *сущностью всего бытия*, при неадекватном глобальном поведении людей они могут оказаться жертвами не только земных планетарных катаклизмов, а и подключения к ним прежде скрытых космических сизигийных тенденций, коварство которых заключается в их непривычной для человека масштабности и скрытости. Сизигия не телесна, но присутствуя как скрытая информационно-энергетическая реальность во всем, в том числе в человеке, как сизигийная душа *всего бытия*, может нести земному социуму и человеку как качественно новые блага, так и доселе неведомые опасности. Каждая определившаяся форма реальности имеет свою собственную сизигийную душу. Отношение души, пребывающей в реальном объекте бытия, к материальной стороне этого объекта может быть разным – от гармоничного до разбалансированного, и это может существенно сказываться на объекте. Неоптимальное влияние влечет расшатывание объекта, его неустойчивость и распад, а также может сказываться и на окружающей среде вплоть до образования в ней нового материального субстрата, способного служить материалом для формирования новых бытийных форм и сизигийных отношений.

Сказанное важно не только для социума или отдельных социальных форм жизни, а и для каждого отдельного человека. Дело в том, что не только любой человек *явно пребывает в мире*, а и мир *неявно пребывает в нем*. Мир в человеке – это не только телесность человека, а и скрытое присутствие в нем всей истории формирования человека и связанных с этим скрытых отношений и сил, которые играют в его жизни неявную роль и являются тем, что называют *душой* человека. Далекая от оптимального характера информационно-энергетическая душа человека (о которой образно говорят как о «больной душе»), пребывая в теле, вносит дисгар-

монию и в тело, а это сказывается и на внешней жизни человека. Здоровая душа, оптимально сочетающая информационно-энергетическую сторону человека с внешней телесной, гармонизирует и его внешнее поведение и жизнь соответствующим образом. Все это влияет не только на самочувствие, а и на продолжительность жизни человека. Субординация разных форм и уровней сизигийности является самостоятельной проблемой, требующей изучения. А показатели духовной сизигийности человека и сизигийности социальных и природных процессов являются индикаторами, ориентируясь на которые можно получать разные, с сизигийной точки зрения, результаты и, таким образом, управлять ходом *самой сизигийной регуляции*. Принципиально важно для человека, в этом случае, что именно сизигийная регуляция, поскольку она имеет глубинный характер, позволяет ему малыми усилиями вносить радикальные изменения в наш мир и в его преобразования и быть основой эффективного сизигийного управления самыми разными, в том числе масштабными, процессами.

В связи с этим важно, что в метафизике тотальности решен вопрос не только о механизме сизигии, а и о ее измерении, указано оптимальное значение сизигии, рассмотрены пути ее практической оптимизации. Это важно для успешной гармонизации отношений в практической жизни, в социальных общностях и между ними, а также между самими людьми, имеет существенное значение для оптимизации архитектоники всего мирового сообщества и стабилизации его глобальной жизнедеятельности, а также для формирования нового человека, способного не только к оптимальному сизигийному управлению событиями, а и к предотвращению нежелательных и катастрофических последствий человеческой активности.

До последнего времени сизигия оставалась слабо изученной, если не сказать, неизученной вообще. Человек, рассматриваемый в бытийном контексте как полионтическое и полионтологическое существо, несущее информацию обо всех ландшафтных измерениях социума и явно или скрыто влияющий на разные уровни социаль-

ного и природного бытия, должен понимать свои сизигийные функции как в условиях местной жизни, так и в глобальном социуме, а также в отношениях социума и природной среды. Его сизигийное поведение должно прийти на смену сегодняшним разрушительным действиям – социальной вражде, терроризму и войнам, ведущим социум к самоуничтожению на планете. Владение сизигийным механизмом нашими потомками может помочь им выживать не только в условиях возможных земных катаклизмов, а и в условиях возможных космологических изменений нашей вселенной.

4.Сизигия конкретных ситуаций

Если говорить о конкретной бытийной ситуации, то сизигийный механизм представляет собой взаимодействие двух ее сторон: комплекса явных причинных онтических отношений и сил (*генерологии*), с одной стороны, и связанных с генерологией скрытых онтологических влияний (*парсики*) – с другой. Следствием этой онтико-онтологической сизигийной игры упорядоченных генерологических отношений и связанных с ними скрытых парсических влияний являются изменения информационно-энергетических отношений и перестройки текущей бытийной ситуации. Важно помнить, что сизигия всегда присутствует в бытии, зависит от бытия, влияет на жизнь бытия, но *сама не является бытием*, подобно судьбе в футбольном матче или в суде, которые хотя и участвуют в матче или в судебном заседании, но не как игроки или участники конфликтующих в суде сторон, а в форме исполнителей особой, как бы внешней по отношению к ним, но очень важной, *организующей* функции. Подобно этому любой человек и любой социальный субъект обладают сизигийными возможностями в области их жизнедеятельности и должны обладать также пониманием важности сизигийных действий, осуществляемых как бы со стороны.

Сизигийная активность бытия пребывает *как бы* вне бытия, поскольку *не совпадает с его изменениями*, а управляя ими, *господствует над ними* благодаря присущим только ей организующей способности. Непрерывно согласуя *все* «части» бытия друг с дру-

гом, присутствует как неявная «душа» бытия, которая движет всем в направлении оптимизации отношений явных (генерологических) и скрытых (парсических) сторон бытия. Связь между сизигией и бытием состоит в том, что состояние и характер сизигийности зависит от состояния бытия, а состояние бытия – от характера сизигийности бытийных процессов, причем независимо от того, является ли жизнь тех или иных его форм гармоничной или разлагающейся, но всегда, в итоге, сохраняющей бытие в полноте его единства многообразия.

Указанные особенности сизигии позволяют понять почему, хотя человек имел дело с сизигией на протяжении всей своей истории, ему до сих пор не удавалось ее ухватить. При изучении сизигии главная сложность состоит в понимании того, как – при том, что сизигийный механизм присутствует во всех бытийных ситуациях без исключения – в каждом отдельном случае он действует в соответствии со спецификой *именно данной ситуации* и требует анализа, *соответствующего именно ей*. Прежние попытки выйти за пределы этого эмпирического разнообразия с помощью таких понятий, как мировой закон-логос, соразмерность, правило золотого сечения и других, не разъясняли способности сизигийности специфическим образом действовать в каждом конкретном случае, здесь и в данный момент, а фиксировали лишь отдельные внешние формы ее проявления. Накопление этой информации не столько выявляло единую сущность сизигийности, сколько разнообразило ее как проблему. Этому способствовало и то, что параллельно обнаруживались не менее разнообразные формы конкретных *дисгармоний и несоответствий* в виде различных диспропорций, несоизмеримостей и случайностей, не укладывающихся в картину общей гармонии. Несответствия оказывались вызовом, который нельзя было игнорировать, но который не удавалось включить в картину всеобщей гармонии.

Так, открытие пифагорейцами наряду с соизмеримыми числами также иррациональных (как позже оказалось, играющих в математике не менее важную роль, чем рациональные) произвело в ан-

тичном мире переворот не только в математике, а и в мышлении вообще. Поучительна, в этом плане, и история уяснения соотношения необходимости и случайностей в механистической картине мира. Требовавшая гармонизированного законами механики мира сплошной необходимости, она породила долго не прекращавшиеся попытки обуздать случайности. И это привело, казалось бы, к успеху вместе с созданием теории вероятностей, позволившей выявлять закономерности в наборах самих случайностей. Но в XXI в. обнаружилось, что открытые в случайных процессах вероятностные закономерности все же не означают торжества гармонии. Эти закономерности, хорошо работавшие для средних величин, как оказалось, не срабатывали, когда учитывались далекие «после запятой» значения вероятностей. В этих, казалось бы, несущественных по отношению к усредненным показателям значениях неожиданно были обнаружены *неслучайные*, а значит закономерные, упорядоченные отношения. Вследствие этого был сделан вывод, что сама теория вероятностей, строго говоря, оказывается несостоятельной¹³. Данная ситуация свидетельствовала, что случайности и неупорядоченности каким-то образом связаны с соответствиями и порядком, и что вероятностные законы, вносящие упорядоченность в беспорядок на одном онтологическом уровне бытия, сами подвергаются «разупорядочиванию» со стороны более глубоких онтологических уровней.

Проводя в ходе исследований большие серии экспериментов со случайными событиями, И.Магафуров обнаружил на первый взгляд странное и невозможное обстоятельство – в данных экспериментах на далеких от среднего значения вероятностного параметра и глубоких онтологических уровнях результаты измерения *«контролировали» самого экспериментатора* путем влияния на его работу в ходе проведения эксперимента. Автор пишет: «Я как экспериментатор думаю, что я выбираю момент времени остановки счета, а выясняется, что я участвую в каких-то процессах, которые меня

¹³ *Магафуров И.* Скрытая структура хаоса. – М., 2010. – 259 с.

контролюють»¹⁴. В другому месте: «Процессы на масштабах мелких подробностей нас могут контролировать»¹⁵. В результате «рулетка и экспериментатор работают согласованно... экспериментатор и рулетка связаны «невидимыми нитями», экспериментатора могут проконтролировать так, что он и не заметит»¹⁶. В предисловии к своей книге И.Магафуров пишет по этому поводу: «существует связь между результатами прошлых бросаний и будущих, – нечто вроде памяти», «нам думается, что когда мы останавливаем рулетку, крутящуюся с огромной скоростью, нас никто и ничто не контролирует, и это на сто процентов наш выбор. Оказывается, однако, что результаты испытаний неслучайны, и подчиняются определенным закономерностям»¹⁷.

Данную ситуацию можно объяснить, если взглянуть на нее с более широких позиций. Она не является неестественной, если учесть, что процесс проведения эксперимента в данном случае носит *рефлексивный* характер. Человек, действуя в экспериментальной ситуации на рулетку, меняет общую ситуацию; но поскольку он сам является частью данной ситуации, он также подвергается рефлексивному воздействию изменений, которые сам вызвал, но на более глубоких уровнях своей чувствительности, и это, хотя и неявно сказывается на его последующих действиях в эксперименте. С подобной рефлексивностью мы сталкиваемся постоянно в своей жизни. Например, в диалоге каждое сказанное нами слово, влияя на другого участника диалога, вызывает с его стороны измененную реакцию на наше исходное действие, причем не только ожидаемую нами в русле общей направленности беседы, а и часто неожиданную для нас, не соответствующую нашей логике беседы, но реально влияющую на нас и наше последующее поведение в беседе. В более сложных случаях, когда в событии задействовано множество людей, подобные неожиданные обратные реакции теряются в об-

¹⁴ Магафуров И. Скрытая структура хаоса. – М., 2010. – с. 231.

¹⁵ там же, с.223

¹⁶ там же, с.228

¹⁷ там же, с.3

щем ходе событий. Будучи нечувствительными к подобным слабым обратным влияниям ситуации (на фоне сильного, совершаемого нами), мы считаем их отсутствующими. Но на самом деле они действуют нас и в подобных случаях, но в иных формах, начиная с подсознательного индивидуального уровня, и кончая стихийным неуправляемым поведением толпы и антисоциальными формами организованных выступлений.

Данные моменты важны для понимания сизигии не как статичных состояний согласованных отношений, а как непрерывного развертывающегося процесса формирования и поддержания в мире соответствий за счет наличия не только явных причинных действий, а и вызываемых ими обратных влияний, идущих по скрытым каналам среды в качестве обратных кондициональных влияний на источник причинных действий. Существенно в этом случае, что исходные причинные и обратные кондициональные влияния, *осуществляясь по разным каналам, не способны компенсировать друг друга* и потому являются источником *нарастания масштабов неуправляемых событий и широкого социального хаоса*. Данный сизигийный хаос может нарастать и вести ситуацию к распаду в окружающей среде, либо под влиянием внешних относительно стабильных бытийных обстоятельств упорядочиваться и, обретая собственные механизмы стабилизации, переходить в устойчивую фазу новой социальной реальности. Во все этих процессах сизигийный механизм не исчезает, но он «работает» не по логике стихийных событий, а по логике оформления в бушующей стихии наиболее гармоничных и, поэтому, энергетически оптимальных и устойчивых форм организации и субординации бытия. Эта «сизигийная работа бытия» никогда не завершается, порождая эффекты не только явного характера, а и уходящие вглубь бытия и имеющие всебытийное значение. А жизнь бытия на его разных уровнях и в ходе их взаимодействия обеспечивает непрерывность жизни самого сизигийного механизма как атрибута и всеприсутствующей души бытия. Важно отметить, что данное поддержание сизигийности в общем случае не означает необходимости сохранения характера са-

мой рефлексивности, а значит и типа сизигийности, оно может вести к саморазрушению одних сизигийных процессов под влиянием других более эффективных в текущих условиях с информационно-энергетической точки зрения.

Таким образом, постоянно меняющийся в своих способах и формах процессуальный характер сизигии обеспечивает бесконечное *разнообразие* мира в виде никогда не прекращающегося *единого* потока его общей жизни. Сизигийность присутствует вечно, но специфицируется не только в разнообразии устойчивых отношений соответствия, а и в их нарушениях и формировании новых, более оптимальных в масштабах бытия, вследствие чего проявления сизигийности неисчерпаемы по виду. Так в социуме ими являются: эволюционирующие природные и социальные объекты – самоотожествляющееся на своем жизненном пути человеческое «я»; сохраняющие преемственность познавательные процессы; развивающиеся, но не утрачивающие единства формы общения диалог, игра, театральные спектакль, развивающийся мегаполис, общение близких по духу людей и т.д.

Из сказанного следует, что в сизигийных процессах принципиальную роль играют не столько явные причинные отношения, сколько их соотношение с неявными, но всепроникающими информационно-энергетическими процессами и отношениями. Внешнее вещественное строение оказывается заложником скрытых в нем информационно-энергетических отношений. Под влиянием динамики этих отношений любое материальное образование со временем начинает перестраиваться по принципу «где тонко, там и рвется» и участвовать в образовании более устойчивых в данных условиях новых отношений, компонентов и структур.

Энергия может также специализироваться в разных видах, в том числе гораздо более тонких, чем привычные нам физическая, химическая, биологическая, социальная. Она может качественно и количественно менять характер их сочетания и связи с остальным миром. Так же и одна и та же информация может по-разному кодироваться в разных носителях и копироваться с одних носителей

на другие, не исчезая при смене форм-носителей, но играя важную роль в их обновлении. При этом, существенно важно, чтобы ход действия сизигийного механизма был описан не только качественно, а и в количественных показателях, на которые можно конкретно ориентироваться в ходе практической деятельности. Данная задача в метафизике тотальности в наиболее существенных пунктах также решена.

Выше уже указывалось, что мера сизигийности S определяется отношением меры внешней (генерологической) упорядоченности ситуации Ng к мере расшатывающего ее скрытого (парсического) хаоса Np : $S=Ng/Np$. Установлено, что именно от количественного значения данного сизигийного отношения зависит ход и внешняя специфика метаморфозов в бытии. Более того, удалось уяснить и его наиболее оптимальное значение, к которому следует стремиться. Оказалось, что сизигийная ситуация тогда оптимальна в своей устойчивости и порождает наиболее определенные и устойчивые формы, когда мера ее генерологической упорядоченности Ng относится к мере парсической хаотичности Np как 80% к 20%, т.е. $Sopt=80/20$. Это означает, что чем больше численное значение сизигии отличается от данного оптимального значения, тем неустойчивее ситуация и близка к распаду.

Например, при $Ng=100\%$ и $Np=0\%$ ситуация кажется абсолютно устойчивой, но, на самом деле, она критична из-за своей хрупкости и разрушается при малейшем отклонении от данного состояния, поскольку в ней отсутствует парсический демпфер. А при $Ng=0$ и $Np=100\%$ – ситуация с самого начала нестабильна из-за отсутствия даже минимальной ее упорядоченности. Как итог, жизнь бытия предстает как никогда не прекращающийся метаморфический процесс, естественным образом и постоянно стремящийся к оптимальному состоянию $Sopt=80/20$. Сегодня уже известно, что в этом состоянии он наиболее устойчив из-за минимальных расходов энергетических ресурсов на его поддержание в существующем контексте бытия, где не обладающие этим свойством другие бытийные формы, не являются долговечными и распадаются.

Из сказанного следует, что гармонизирующая роль сизигии неразрывна с бытием, имеет место не только в его статике, а и в трансформациях, играет тотальную «одухотворяющую» роль, причем не в виде поддержания лишь жестких генерологических порядков, а в обеспечении их гармоничного отношения к скрытому парсическому хаосу рассматриваемой ситуации в форме 80/20. Сизигийность, гармонизируя все бытие, не оставляя ничего вне себя, постоянно поддерживает его жизнь в ее единстве и многообразии. Абсолютная в своей стабильности организация бытия не требовала бы сизигийной души, означала бы ее ненужность, но это означало бы заостренность и смерть бытия. В пределах же понимания бытия как тотальности вряд ли об этом можно говорить даже теоретически. Сизигийность – не порядок-смерть, а постоянно осуществляемое видимо-невидимое движение–жизнь, в которой внешняя определенность бытия – лишь видимая нами часть бытия, которая бы мгновенно разрушилась, если бы не была внешним проявлением неизмеримых парсических глубин неявного мира, которые в ней присутствуют скрыто и могут как поддерживать текущую внешнюю жизнь, так и, в меняющихся условиях, расшатывать ее или делать вообще невозможной. В своей сущности сизигия – не столько гармония, сколько *характеристика оптимального соотношения гармонии и дисгармонии*, в котором дисгармония сама может служить проявлением гармонизирующей силы более глубокого онтологического уровня, «контролирующей» процессы уровней внешних.

Сизигийные правила жизни конкретных форм или их отношений несут конкретный же характер, но они изменяются в контексте более общих онтологий и процессов подобно изменениям свода юридических норм в случае существенных общественных трансформаций. При этом они не следуют механически за каждым локальным преобразованием общества, а способствуют установлению его нового общего оптимального устойчивого состояния. Так же адаптируются к конкретным ситуациям и «вечные законы природы». Любые правила, действующие в одном комплексе отношений, под влиянием меняющейся среды могут меняться или исче-

зять, и новые ситуации вырабатывают новые отношения и пропорции, в условиях которых старые уже становятся невозможными, подобно тому, как правовые отношения рабовладельческого строя неприменимы к жизни современного общества, или отношения строения и функционирования организма одного биологического вида отличаются от отношений организмов другого вида.

Рассмотрение сизигии как механизма несет ряд самостоятельных вопросов, вокруг которых в перспективе может сформироваться отдельная область знания под условным названием *сизигиологии*. Сегодня можно высказать некоторые соображения по поводу ее задач.

1. Любой сизигийный механизм как Ng/Np-отношение может играть как созидающую, так и разрушающую роль в зависимости от того, с каким онтико-онтологическом контекстом он соотносится. Необходимы *четкие индикаторы* ее созидающего или разрушающего характера в той или иной конкретной ситуации.

2. В естественных условиях сизигийные отношения должны быть ориентированы на обеспечение оптимального характера личной Ng/Np-ситуации, а это требует разработки общей методологии *достоверных измерений* Ng и Np – параметров.

3. Можно ли выделить самостоятельный *комплекс вопросов в связи с ситуацией перехода от одних Ng и Np-параметров* к другим, и если можно, то что такой переход из себя представляет с позиций rg-отношений, например, при переходе от жизни человека к жизни социума, далее ноосферы, биосферы и их трансформаций?

4. Каковы *общие условия превращения парсических связей в генерологические* и наоборот, а также сам механизм этих превращений?

5. В мире процессы поддержания оптимальной сизигийности и ее утраты идут стихийным образом, при этом, как правило, разложение и исчезновение одних форм жизни связано с созданием условий, порождающих другие формы или ведущих к переходу на новый, более масштабный уровень жизни исходных. *Каким должен быть характер их жизненных контекстов*, чтобы они реализовались в *нужном направлении* и имели нужный характер?

А если представить себе ситуацию нарастания несоответствий в базовых онтологиях и отношениях, например в природе на уровне Вселенной, то эта тенденция неизбежно приведет не только к изменению отдельных законов природы, а и к формированию нового варианта природы на уровне отношений новых вселенных. Подобные изменения на земле на уровнях биологических онтологий приводили к скачкам эволюции с одного уровня организации к другим, и, далее, через усложнение органического мира к оформлению общества и социальных отношений. Сизигийность продолжает действовать в природе и обществе и в их отношении, обладает гибкостью и реагирует на любые изменения природного и социального мира.

Но можно допустить, что этот механизм перестанет действовать, если процесс глобализации и связанные с этим качественные изменения жизни людей, например из-за глобального использования термоядерного оружия, приведет современную социальную и биологическую жизнь на планете к вымиранию и вызванный этим процесс рассогласования жизни прежних форм вызовет сущностный метаморфоз не только всей земной природно-биологической и социальной ситуации, а и *самых сизигийных механизмов*, регулировавших прежнюю жизнь на Земле.

Подобные изменения сизигийности возможны повсеместно в бытии. Сегодня подобные метаморфозы трудно прогнозировать традиционными методами, выход состоит в разработке *новой сизигийной методологии*. Более того, в виде предположения можно допустить, что помимо бытия, которое является нашим «родным домом» с соответствующим ему механизмом сизигийности, есть и другие, не менее масштабные, но качественно иные виды бытия – вселенные, в которых действуют *другие универсальные сизигийные механизмы согласования*, отличные от нашей сизигийности и поэтому мы с ними «не слихмеримы» и «не пересекаемся». А если подобные «пересечения» и возможны, то лишь в критических процессах катастрофического выхода нашей вселенной за рамки ее сизигийного механизма и радикального преобразования нашего бытия в среду качественно новых форм бытия. Возможно, именно такую

природу имел механизм «Большого взрыва» породившего нашу вселенную. Ясно, что рассматриваемая в таком *надвселенском* плане, сама сизигия должна испытать существенные трансформации и сизигийные механизмы разных вселенных могут иметь фундаментальные различия, что делает крайне сложным (если вообще не невозможным) общение их субъектов, поскольку в этом случае необходимо обращаться к механизмам сизигийности межвселенского характера.

Что касается бытия, то в нем сизигия действует каждый раз специфическим образом, поскольку непрерывно и на разных уровнях зависит от изменений во всей его полноте. Нельзя не отметить и то, что поскольку сизигия всегда реализуется как рефлексивный механизм, ее субстанциальные воздействия на онтические отношения бытия *сказываются на ней самой*. Иначе говоря, сизигийная субстанциальность не только неотрывно влияет на жизнь бытийных форм, неусыпно контролируя их, а и сама зависит от них и это является самостоятельной темой обсуждения, причем качественно иного масштаба.

5. Исторические предпосылки сизигийной проблематики

Предпосылки рефлексивного понимания сизигии присутствуют в прежней философии. И.Кант говорил о субстанциальности любого предмета, находящегося в изменении, поскольку предмет при этом сохраняет свою идентичность. А.Бергсон разрабатывал концепцию субстанциальности нового типа сознания, единство которого обеспечивается его непрерывной текучестью-временностью, «длительностью». Л.Лопатин доказывал наличие в «непрерывно исчезающем» потоке психической жизни человека сверхвременной «субстанциальности осознаваемого я». Н.О.Лосский, пытаясь обосновать идею человеческих перевоплощений, ввел понятие «субстанциального деятеля», под которым понимал человека как сверхвременное и сверхпространственное существо, которое «незыблемо стоит» над временем и пространством «как одно и то же тождественное я».

То, что сизигия имеет вездесущий, реагирующий на все, но неувимый характер, позволяет говорить о ней как не просто о вневременной «душе» бытия, а и как о силе, способной согласовывать, и именно в этом смысле одухотворять все части бытия *вневременным* образом, т.е. постоянно, и определять целостность жизни бытия как *вечную* и *вечно*. При этом следует учитывать, что по отношению к конкретным формам бытия вечностью является жизненный «век» каждой формы, отведенный ей ее природой, и связанные с «веками» разных форм их индивидуальные сизигийные «души». Н.О.Лосский приводит слова Л.М.Лопатина: «сознание реальности времени является наиболее очевидным, точным и неоспоримым доказательством сверхвременной природы нашего я... время не может быть наблюдаемо и понято тем, что само по себе временно... Сознание времени есть субстанциальная функция души»¹⁸.

В общем случае, сизигия может рассматриваться как постоянная тяга к самоусоответствливанию, самогармонизации бытия через взаимное сопряжение его онтики и онтологии, субстрата и субстанции, многообразия и единства в форме процессов плюрализации субстанциального и субстанциализации многообразного в виде превращений бытийных форм, их распадов и рождений новых. Принцип сизигийности утверждает, что любая вещь всегда пребывает в движении репрезентативного согласования, усоответствливания себя с миром и мира с собой, причем это согласование, в общем случае, может иметь вид как постепенных изменений, так и метаморфозов, в которых преобразуются и вещи и сложно организованный, но сохраняющий свою идентичность мир.

Реализуя свою универсальную, но каждый раз адаптированную к конкретной ситуации функцию, сзигийность проявляет себя в разных областях и везде. Поэтому понятие сизигии использовалось в разных сферах деятельности – в философии (гностики-валентианиане, В.С.Соловьев и др.), в психологии (К.Юнг), в астрономии и других областях. Гностиками «сизигии» понимались как сопряжения эонов плеромы (полноты бытия). Помимо понятия сизигии использовались и другие, близкие ей по смыслу понятия, например

¹⁸ Лосский Н.О. История русской философии. – И.: Высшая школа, 1991. – с.209.

«сопричастие», «причастность, «совозможность» и др. Прокл дал в свое время едва ли не самое глубокое описание сизигии: «Все становящееся единым, становится единым, в силу причастности единому», оно «причастно единому в том смысле, что претерпевает становление единым»¹⁹. Н.Кузанский говорил: когда каждая вещь стремится сохранить свое существование, «она совершает это сопричастно с другими предметами: например, нога не только полезна самой себе, но и для глаза, для рук, тела, для всего человека, потому что служит для передвижения»²⁰. Г.В.Лейбниц пришел к выводу, что в мире реализованы не просто те вещи, которые логически возможны внутри себя, но те, которые дополнительно обладают *совозможностью сосуществования*, т.е. вещи, *непротиворечиво совместимые друг с другом*. Согласно Лейбницу, в принципе совозможности фиксируется, что *не все комбинации вещей реально возможны, а только совозможные*. Говоря о совозможности внутри миров, он иногда прямо говорит и о «соответственности», какую «содержат в себе эти миры»²¹. С другой стороны, в своих «Новых опытах о человеческом разумении» он использует сизигийное представление для получения новых выводов, когда через понятие *несовозможности* объясняет отсутствие тех или иных форм бытия: «Я имею основание думать, что не все возможные виды совозможны во вселенной, как бы велика она ни была, и это относится не только к вещам, которые находятся вместе в одно и то же время, но даже и ко всему следованию вещей, т.е. я полагаю, что имеются необходимым образом виды, которые никогда не существовали и никогда не будут существовать, так как они несовместимы с тем следованием тварей, которое избрал Бог. Но я думаю, что все вещи, которые допускала совершенная гармония вселенной, есть в ней»²².

П.Флоренский развивал важную идею «философии консубстанциальности», в которой доказывал, что в отличие от мнения, соглас-

¹⁹ Прокл. Первоосновы теологии. – М., 1993. – с.11

²⁰ Кузанский Н. Об ученом незнании //Антология мировой философии в 4-х томах. Т.2. – М., 1988. – с.87

²¹ Лейбниц Г.В. Соч. в 4-х тт., т.1. М. - 1982. - с. 422

²² Лейбниц Г.В. Соч. в 4-х тт., т.2. М.- 1983. - с.310

но которому бытие существ мира по отношению друг к другу имеет внешний характер, *онтологически все существа тесно связаны внутренне*. На этой основе он объяснял такие тонкие коммуникативные механизмы, как симпатия, любовь, интуиция и др. Благодаря указанной связи, отмечал, развивая свой интуитивизм и Н.Лосский, существа мира *«взаимно координируются до такой степени»*, что это обеспечивает возможность непосредственного, интимного общения»²³. Как он пишет в другой работе: индивидуальное я «связано со всеми существами всего мира путем координации с ними»²⁴.

Возникали и более общие представления, близкие к идее сизигийности, начиная с буддийских представлений о карме и сансаре, учений о родстве (симпатии и антипатии) всех вещей, о «золотом сечении», об упорядочивающем бытие мировом “уме”, о единстве микрокосма и макрокосма и развивавшейся в средние века теории соответствия. В новое время Лейбниц говорил о предустановленной гармонии души и тела в вещах, в XX в. К.-Г. Юнг разрабатывал теорию синхронистичности и др.

Но, как видно из приведенных высказываний (а их число можно увеличить), при всем разнообразии прежних подходов к сизигии, она рассматривалась *не как проблема*, а как фиксация удивительной гармоничности и связности меняющегося мира. Именно в этом качестве подмечены важнейшие черты и следствия сизигийности мира. Сегодня назрела необходимость в концептуализации накопленного материала в виде качественно новой метафизики и связанных с ней перспектив нового уровня. От констатации «чуда сизигии» следует перейти к решению «проблемы сизигии». Это предполагает дальнейшее рассмотрение и решение следующих вопросов.

1. Каким должно быть бытие, регулируемое сизигийным механизмом? (*вопрос о бытии как тотальности и о принципах метафизики тотальности*).

2. Почему сизигия не задает бытие как сплошную единую массу или как беспорядочный хаос? (*вопрос о сизигии как сущности бытия*).

²³ Лосский Н.О. История русской философии. – М., 1991. – с.326

²⁴ Лосский Н.О. Учение о перевоплощении. Интуитивизм. – М., 1992. – с.160.

3. Почему в бытии одни из его форм сохраняются и развиваются, а другие оказываются нежизнеспособными и исчезают? Как должны соотноситься в бытии между собой сизигийности разного характера и уровней, и какое их сочетание в одном и том же объекте должно быть, чтобы бытие и объект могли существовать, сохраняя свою идентичность? (*проблема оптимальной сизигийности*).

4. Каким образом в стихийном процессе создаются иерархические сложнейшие по тонкости формы жизни, типа человеческого мозга и мыслительных процессов, причем именно такие, а не другие? (*проблема механизма метаморфозов и оптимальной сизигийной организации бытия*)

5. Можно ли сизигийность измерять и использовать эти измерения для сизигийного управления? (*проблема измерения сизигии и сизигийного управления*).

6. Существуют ли универсальные параметры бытия как тотальности, описывающие бытие, его формы и их трансформации и если существуют, то какие? (*проблема модели бытия и ее параметров*).

6. О специфике решения сизигийных вопросов

Почему указанные выше вопросы не были решены прежде? Все упиралось в неоднозначные, а потому *неадекватные представления о бытии*. Разнообразные философские понятия использовались разрозненно, часто без их взаимосвязей, абсолютизировались те или иные отдельные стороны бытия и соответствующие категории – сущность или явление, материальное или идеальное, связь или обособленность, необходимость или случайность, условия или обусловленное, возможность или действительность и т.д., а в самих этих отношениях часто предпочтение отдавалось одной из них. Не было достаточного соответствия между *частичными* представлениями человека о бытии и *реальной полнотой* человеческой жизни, которую человек переживал в значительной мере неосознанно, но без которой не мог бы существовать как реальная форма бытия. Степень осознания полноты бытия из-за подобных односторонних представлений не соответствовала реальной полноте бытия. Ана-

лиз часто превалировал над синтезом. Необходимо было исчерпать этот «путь односторонностей», а для этого наряду с явным миром учитывать и *мир скрытых феноменов* бытия.

Исторический опыт человечества всегда неявно включал в себя скрытые знания, но сложность оперирования ими была связана с преимущественной опорой на интуицию и мистику, которые выдвигались как определяющие, но не давали реальных и общепринятых знаний. Более реальную роль в смене представлений о бытии играла эволюция образов жизни людей. Привыкая к очередному историческому образу жизни и к сложившейся в нем системе отношений и действий, люди переносили эти отношения и действия на все бытие, часто видели в бытии те же отношения, что и в обществе, хотя не всегда зеркальным образом. В результате картина бытия имела черты, присущие текущему образу жизни, но не соответствовала бытию в его всеобщности. В ней неизбежно появлялись искусственные и, часто, сверхъестественные моменты, привносимые для целостности концепции. В представления о бытии вносился «дух культуры», отдалявший эти представления от реального бытия и уступавший место другим на следующем этапе культурогенеза.

Первобытный кровно-родственный способ жизни породил *мифологический* взгляд на мир, отражавший, на самом деле, не реальную картину бытия, а образ первобытной жизни человека. В условиях оформления юридических законов Хаммурапи, Ликурга и Солона (их появление произвело сильное впечатление на современников), впервые регулировавших общественные отношения юридическими кодексами, идея закона была перенесена и на небо, возникло *философское* представление о дао, логосе. Эпоха империй и центр-периферийных вертикальных отношений императора и населения, породила обобщенную *религиозную вертикаль* отношения Бога и мира. А через несколько столетий общества, начавшие развиваться на основе товарного производства, науки, техники и промышленности, породили представление о мире как о природе с ее законами. Возникла *научная картина мира*. Но в этом историческом процессе смены картин мира отражалась эволюция *не бытия*,

а общества, и потому на протяжении всей истории человека имело место несоответствие между претензией человека на понимание бытия и используемыми им познавательными средствами.

Однако данный исторический опыт не был напрасным. Расширяя практику человека, он постепенно привел его к ситуации, когда эта практика обрела глобальные масштабы и сама жизнь социума и человека стала непосредственно зависеть не только от результатов социальных катаклизмов, а и от степени соответствия или несоответствия жизни человека объективным законам общества и природы. Практика все более соединялась с бытием и вопрос о степени их взаимного соответствия становится решающей проблемой. Особенность современной «социальной призмы» состоит в том, что сам социум становится все более неподвластным человеку и все более требует отношения к себе не только как к собственно социуму, а и как к объективному бытию, неразрывно связанному с природными и космическими событиями. Человек все более осознает, что живет жизнью не только социума, а и бытия, поскольку само общество все больше погружается в стихию глобальных, ноосферных и космических проблем. Бытие выходит на ведущие позиции, *навязывая человеку условие: либо он и социум живут в соответствии с бытием, либо социальная жизнь на земле может прекратить свое существование.*

Сегодня сизигийность бытия в социуме проявляется в том, что социум становится все более мобильным и подверженным трансформациям, в которых отдельные общества распадаются, формируются новые межгосударственные, региональные, а также глобальные образования, и хотя сам субъект этих процессов – социум – пока еще сохраняется, все более актуализируется вопрос о сохранении его жизнеспособности *в дальнейшем.* Не подчиняющаяся человечеству «призма бытия» становится, однако, все более важной в его жизни, а вопрос о сущности бытия – все более актуальным. Благодаря пониманию бытия как тотальности сегодня впервые в истории человек имеет возможность адекватно взглянуть на него как на реальность, которая не охватывалась прежними понятийно-логиче-

скими средствами. Сегодня уже не человек и не социум, а бытие ставит человеку условия и играет ведущую роль. Перед человечеством встала задача так изменить свою жизнь, чтобы она не усугубляла глобальные проблемы, а соответствовала бытию как тотальности. А это возможно только через переход к новому мировоззрению и к связанным с ним фундаментальным принципам метафизики тотальности.

Если прежде человек подгонял целостное бытие под свои ограниченные представления о нем, то сегодня ситуация ставит обратную задачу – исходить из того, что социум *есть субцелостность в целостном бытии*, а сизигийность – механизм, который сохраняет этот мир, несмотря на происходящие с ним метаморфозы. *Общество должно перейти к образу жизни, соответствующему жизни бытия, а не противоречащему ему*, это значит – к жизни *по законам сизигийности* бытия, а не человеческого произвола. Новое представление о бытии должно снять противоречия прежних онтологических картин – философских, научных и религиозных, синтезируя их ценные моменты в едином понимании полноты бытия как тотальности. Это выдвигает на ведущие теоретические позиции метафизику тотальности и ее принципы, которые позволяют не только продуктивно переосмыслить жизнь человека и человечества, а и уяснить их безграничные скрытые возможности, прежде всего, благодаря овладению сизигийным механизмом.

В новых условиях на ведущие позиции выходит полионтическая и, одновременно, полионтологическая структура человечества и человека, в которой человек, будучи частью бесконечного числа онтологий бытия, одновременно несет в своей онтике все бытие. Задачей человека становится переход от стихийного действия сизигийного механизма к оптимальному и сознательному сизигийному управлению как своей жизнью, так и глобальной ситуацией социума на нашей планете.

Начать следует с углубления наших представлений о том, что люди и социум являются участниками биосферных и ноосферных процессов, которые, в свою очередь, существенно зависят не толь-

ко от земных, а и разнообразных межпланетных, галактических и метагалактических факторов космогенеза. В условиях, когда человечество стало ноосферной силой и вышло в космос, а также само поставило себя на грань глобальной ядерной катастрофы, есть реальная опасность нарушения прежнего геосизигийного механизма и трансформации его в состояние такого саморегулирования земной планетарной ситуации, в котором *человеку не окажется места*. Настало время человечеству осознанно прикоснуться к вечности и бессмертию бытия, но не в религиозном потустороннем смысле или в форме интуиции, а в смысле необходимости переориентации себя на выявление неограниченных возможностей собственной не столько на основе исчерпавших себя экономических отношений и рыночных ценностей, сколько через причастность к бесконечному бытию с его неисчерпаемыми скрытыми возможностями, в том числе и через освоение новых ареалов жизни, и выведение жизни живущего на земле человека из состояния конечности и смертности в состояние причастности к бессмертию.

Благодаря резкому скачку в скорости передачи больших объемов информации и охвату постоянно меняющимися информационными потоками практически всего населения земли человечество уже движется в этом направлении. Усиливается зависимость всех стран и регионов от всех. В этих условиях ухватить каждую отдельную ситуацию в общем калейдоскопе событий и регулировать ее вне связи с общим контекстом становится все трудней или вообще невозможно. Складывающаяся ситуация все больше придает сознанию людей клиповый, а жизни, поточный характер. Данная картина будет усугубляться в худшую сторону, если ею не управлять, она требует перехода к иному характеру и масштабу мышления и к модели жизни как тотальности, а мышление должно из стихийного стать сознательно ориентированным на понимание социума как развертывающейся в себе, но сохраняющей себя жизни глобального человечества – как оптимально управляемой тотальности, к оформлению и поддержанию которой следует сознательно стремиться.

Определенные предпосылки движения в этом направлении уже существуют. Старая методология силовых стратегий и агрессии все больше дискредитирует себя тем, что связанные с ней действия перестают быть локальными, рано или поздно становятся опасными для самих инициаторов. Не случайно, сегодня в политике говорят о необходимости, действуя локально, мыслить глобально, о невозможности решать проблемы силовыми методами и необходимости перехода от стратегии войн к стратегии переговоров и консенсусов. Эти новые идеи все чаще кладутся в основу разрешения финансовых, экономических, социальных и политических кризисов, но пока это не стало нормой. Чтобы отдельные шаги в правильном направлении обрели силу и начали играть решающую роль, необходим взгляд на социум как на тотальность, а на оптимальный способ организации его жизни – как на сизигию. Из объясняющего понятия сизигийность должна превратиться в *методологию жизни*, а метафизика тотальности – стать *всеобщим мировоззрением*, в основе которого должно быть адекватное понимание бытия, его форм и их отношений.

Учение о бытии зародилось не тогда, когда Парменид ввел слово «бытие», а в тот момент, когда в еще нерасчлененном, но уже способном выражать сущность происходящего, сознании человека возникла и была сформулирована и закреплена в Упанишадах фундаментальная мысль, что «многое есть одно». Этим была определена сущность бытия как *единства многообразия (тотальности)* и, тем самым, указан *истинный объект* метафизики, и, одновременно, *главная ее проблема*. Но метафизика тогда не могла быть развита как *метафизика тотальности* из-за невозможности непосредственного решения проблемы единства многообразия. Для того, чтобы это стало возможно, понадобился опыт создания, широкого распространения и использования формальной логики, запрещавшей логические противоречия типа «многое есть одно». Но, несмотря на то, что проблема единства многообразия на протяжении многих столетий не поддавалась решению, она не исчезала из поля зрения вплоть до разработки диалектической логики Гегелем, допускавшей подобные противоречия. Позже Ю.Хабермас отметил,

что «единство» и «множественность» являются определяющими для темы, под знаком которой была зачата метафизика²⁵, а Ж.Ф.Лиотар, в ходе обсуждения позиции «защиты философии» А.Бадью отметил, что «вся философская проблематика должна быть осмыслена на основе отношения единое/множественное»²⁶.

Двигаясь от констатации истины в виде противоречия «единства многообразия» к попыткам ответить на вопрос «как возможно единство многообразия?», прежняя философия наталкивалась на множество сопутствующих проблем онтологического, гнесеологического, а также антропологического, социального, религиозно-теологического и научного свойства, которые было необходимо решать как первоочередные и более актуальные. А возврат к исходной проблеме часто происходил через абсолютизации единства или многообразия, и попытки их искусственного сочетания. Однако, в море субъективных разночтений и исследовательских дивергенций исходная задача всегда неявно присутствовала, о ней периодически вспоминали, но затем уходили в очередные частности и отвлечения внимания на побочные, но в текущий момент актуальные проблемы.

Появление на рубеже XX-XXI вв. метафизики тотальности стало обобщением опыта этой затянувшейся предистории. В метафизике тотальности не только решена проблема единства многообразия, а и разработана универсальная модель бытия, применимая к любым его формам. Вместе с этим метафизика избавилась от субъективизма в понимании бытия и обрела свой истинный вид, синтезировала в себе все ценное, что содержалось в науке, искусстве, философии и религии, которые, со своей стороны, благодаря ей получили качественно новые возможности к взаимному развитию и слиянию.

²⁵ *Хабермас Ю.* Единство разума в разнообразии его голосов / В книге: А.М.Срмоленко. Комуникативна практична філософія. – К., Лібра, 1999 – с.255-286, - с.255

²⁶ *Бадью А.* Манифест философии //Сост. и перев. с франц. В.Е.Лапицкого. – СПб.: Machina, 2003. – с.100

В основе метафизики тотальности лежат перинципы: 1. *онтико-онтологической дуальности* бытия – позволяет понять механизм сочетания многообразия и единства форм бытия;

2. *причинно-кондициональной самодетерминации* – раскрывает механизм саморазвертывания процесса тоталогенеза;

3. *диверсизации* – позволил установить единство полионтизма и полионтологизма бытия, голографический характер бытия, благодаря которому каждая вещь несет информацию обо всем бытии;

4. *сизигийности* – позволил понять, почему единый мир бытия многообразен и меняется в каждый момент одним, а не другим образом. На основе данных принципов создано учение о бытии как о тотальности в форме целостного комплекса соответствующих аксиом и следствий из них.

В.В.Кизима

ОНТИКО-ОНТОЛОГИЧЕСКАЯ ДУАЛЬНОСТЬ БЫТИЯ И ЕЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ДЛЯ ЧЕЛОВЕКА

В статье рассматривается принцип онтико-онтологической дуальности применительно к человеку. обосновывается единство пребывания человека в бытии, и бытия в человеке. Рассматриваются некоторые аномальные возможности человеку и онтологические влияния бытия на человека.

Ключевые слова: *бытие, онтика, онтология, ландшафтность бытия, тотальность, антропный принцип, сизигия, информационно-энергетическая картина мира*

У статті розглядається принцип онтико-онтологічної дуальності стосовно людини, обґрунтовується єдність перебування людини в бутті і буття в людині. Розглядаються деякі аномальні можливості людини і онтологічні впливи буття на людину.